

Славянский фольклор: история и современность

Устные рассказы о Великой Отечественной войне: общие и локально обусловленные мотивы в системе повествования (на материале русского и белорусского фольклора)

А. Ф. Балашова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Oral stories; the Great Patriotic war; signs betokened a war; signs betokened a death; a category of miracle

Summary. The bases of this research are oral stories about the Great Patriotic war, recorded at the territory of Russia and Belarus. All corpora of the texts divides into several topics: the beginning of the war, the end of the war, fortune and dead at the war, miracle at the war, prophetic dreams of soldier and members of their families, cruelty and mercy during the war, perception of an enemy, deception and making a fool of enemy, comic situations at front line and at home front etc.

В фольклористике термин «устный рассказ» используется в двух значениях. Первое — более широкое, видовое понятие, синонимичное термину «несказочная проза». Второе — более узкое понятие, обозначающее непосредственно фольклорный жанр устного рассказа. Если изучение поэтики предания, легенды, былички имеет большую научную традицию, то применительно к бытовой мемуарной прозе (т. н. рассказам о прошлом) этого утверждать нельзя.

Работы белорусской писательницы **С. А. Алексиевич** и составителя сборника устных рассказов **А. В. Гончаровой**, также **В. А. Бердинских**, основу сборника которого составили воспоминания жителей Кировской области, являются вехой в систематизации и исследовании мемуаров о войне.

В устных рассказах повторяются привычные схемы, типичные сюжетные ходы, ситуации, мотивы, которые могут ни в каких других жанрах не встречаться. Например, подробности злодеяний фашистов, рассказы о «добрых немцах», воспоминания о вкусах и запахах. Это может быть воспоминание о вкусе хлеба, который пекли тогда. Человек не может жить только войной, страхом смерти, а тем более женщины.

В основу доклада легли устные рассказы о Великой Отечественной войны, записанные от жителей Союзного государства России и Белоруссии.

Начало и конец войны, как важнейшие ее события, в сознании народа предварялись видениями и знаками — знаменами. Незадолго до **вторжения** гитлеровцев многие видели **необычные природные явления**: красное зарево или столб на небе, предвещающие войну. Зарево могло трансформироваться в красную корову с огненным языком, всадника, крест, свастику, лик Богородицы. В Гродненской области Белоруссии, например, жители перед войной видели на небе **огненного всадника**.

Ещё есть мнение, что по количеству самых широких полос-столбов на небе можно узнать, сколько лет будет длиться война. Увиденные в концлагере открывающиеся на небе ворота стали вестью скорого **окончания войны** и освобождения пленных.

Были и другие **предзнаменования войны**. Огненные шары летали перед войной, падали кометы. Иконы плакали кровавыми слезами или мироточили. Перед войной видели русалок.

Вещий сон во время войны, когда сведений от родных долгое время не было, стал событием в человеческой судьбе. Во сне умершие родные или святой могли указать путь к спасению. Иногда в функции чудесного помощника выступал незнакомец (незнакомка), который являлся во сне и наяву, предотвращая гибель. И в годы войны во сне можно было увидеть будущего жениха, с которым девушка ещё не знакома.

Предзнаменование гибели также встречаются в мемуарах о Великой Отечественной войне. Так, споткнувшегося о каску солдата вскоре настигает пуля.

Сама война объяснена в народном сознании и как Божья кара. Проводится **аналогия**. Те, кто **сбивал маковки** (главы церкви) во времена гонения на церковь, на войне **лиша-**

лись головы. Есть и рассказы о церквях, которые не удавалось даже немцам взорвать.

Лечение немцами местного населения — один из распространённых мотивов донских рассказов — редко встречается на территории оккупированных Смоленщины и Белоруссии.

«**Добрые немцы**» и **жестокости фашистов** — два типичных мотива, которые порой встречаются в воспоминаниях одного человека. Немцы нередко сравниваются с хищниками, волками, оборотнями.

На войне **героизм** и **предательство** зачастую соседствовали. Существует **оппозиция** в народном сознании: **герой** (совершивший подвиг) и **антигерой** (предатель). Зачастую рассказы о «добрых немцах» сопровождаются комментариями, в которых с ними сравниваются полиция и предатели. Оказывается, что «свои» бывают хуже «чужих». Одна рассказчица вспоминает со слов свекрови, как за неделю до начала войны по Бресту спокойно ездили немцы на новых велосипедах.

В годы войны, когда письма долго не приходили, находясь в долгой разлуке, люди обращались к потусторонним силам — гадали о судьбе родных.

Категория чуда важна в воспоминаниях о тех страшных годах. Если говорить о судьбе, то она зачастую предстаёт в мемуарах как рок, *fatum*. **Чудесное избавление от гибели** может быть связано с внезапным появлением немецкого генерала, сына хозяина, у которого добросовестно служил после I Мировой войны отец детей, которых вели на расстрел. Или внезапное появление советских солдат, когда немцы уже поджигают избу с жителями. Незамеченный карателем ребёнок; спрятавшаяся от немца с собакой в воде девочка; упавшая недалеко от человека или на то место, где он только что был или обычно прятался, бомба. Во многих воспоминаниях рассказчик был **на волосок от гибели**. **Чудесное спасение** связано и с находчивостью людей, сумевших повернуть ситуацию так, чтобы враг не понял истинного смысла происходящего. А может быть связано с переключением внимания мародёра с жертвы на вещи. **Чудесная встреча** обычно коренным образом меняет ситуацию к лучшему. Это может быть встреча вдаль от дома или, наоборот, в родных местах, где никого не осталось, товарищей, разлучённых возлюбленных, с тем, кого считали погибшим.

Среди рассказов, непосредственно связанных с категорией чуда, можно выделить **чудесное спасение в результате обмена судьбами**. Женщина надела куртку мужа, так как замёрзла, и попала в неё, целясь в председателя. Женщина в поезде согласилась поменяться местами с незнакомкой, разбомбили тот вагон, в котором она должна ехать. Санитарка вернулась к раненым, так как её коллега напомнила о 6 палате, а в это время девушку, идущую вместо неё, ранило. По дороге из Сенно в Смоленск девочке посадили на колени мальчика, который заснул. Мальчика убило, девочка жива. Девочка отказалась сидеть на чьих-то коленях и спаслась. Жители одного из смоленских сёл (Пяцкое), не успевшие уехать, в ужасе ждали утром появления немцев, но **25 сентября**, в День освобождения Смоленщины.

Общие мотивы и сюжеты можно проследить в записях, сделанных у информантов из областей России, прежде всего — бывших в зоне оккупации, и Белоруссии. Их следует справедливо рассматривать как тексты, бытовавшие на одной территории, имеющие местные различия, характерные для родственных республик. Рассказы фронтовиков могут иметь общие черты, так как вместе служили солдаты из разных уголков Советского Союза.

Литература

- Алексиевич С. А. У войны не женское лицо. Последние свидетели. М., 1998.
 Войны кровавые цветы: Устные рассказы о Великой Отечественной войне / Сост. А. В. Гончарова. М., 1979.
 Гончарова А. В. Устные рассказы Великой Отечественной войны. Калинин, 1974.
 Материалы из личного архива.
 Народ на войне / Сост. В. А. Бердинских. Киров. 1996.

Экспрессивность и эмотивность русских пословиц: система корреляций

Л. В. Гриченко

Педагогический институт Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

Пословица, эмотивность, экспрессивность

Summary. The given article is devoted to the problem of Russian proverbs expressiveness and emotionality.

На современном этапе развития лингвистики к числу первостепенных задач, требующих своего разрешения и, следовательно, определяющих пути дальнейших исследований, относится описание синкретичных явлений, к которым справедливо относятся и пословицы. Обладая пограничным статусом в системе речевых и языковых явлений, пословицы обнаруживают крайнюю степень самобытности жанровых и функциональных характеристик, одновременно тяготея и к лингвистике, и к фольклору. Данный факт значительно осложняет выделение постоянных и переменных характеристик пословиц, позволяя рассматривать их и как единицы языка, и как единицы речи, и как единицы фольклора.

Синкретичный характер описываемых единиц свидетельствует о возможности наличия, иногда и одновременного выражения в пословице и пословицей языковых и речевых признаков, того, что Е. И. Галкина-Федорук определяет как речевое (эмотивность) и языковое (экспрессивность), взаимосвязанное, но не тождественное: «эмоциональные средства языка всегда экспрессивны, но экспрессивные единицы языка могут и не быть эмоциональными» [Галкина-Федорук 1958: 107]. Как следствие, в пословичном фонде русского языка обнаруживаются как экспрессивные единицы со значением запрета или предостережения: *Из горшка мяса не выкупишь* [Даль 1993, 2: 675]; *Мельницу строить — за топ отвечать* [Даль 1993, 3: 14], так и пословицы с эмотивным компонентом, репрезентирующим либо категоричность отрицательной оценки действий 3-го лица: *Бабий язык — чертово помело* [Даль 1993, 2: 194]; либо ироничное отношение к 1-му лицу: *У нас дураков семь байдаков, да еще и угол не почат*. [Даль 1993, 2: 249].

Понимая под экспрессивностью «не нейтральность... придающую речи выразительность... за счет необычного стилистического использования языковых средств, либо посредством интенсификации количественного или качественного аспектов обозначаемого, либо же в результате восприятия ассоциативно-образного представления» [Телия 1991: 7], можно предположить, что экспрессивность является универсальной и постоянной характеристикой пословиц. Будучи репрезентирована структурно и / или лексико-семантически, в пословицах она всегда эксплицитна. Возможный в русских пословицах синкретизм экспрессивной и эмотивной семантики имеет своей целью воздействие и оценку, основу которых составляет субъективная, иррациональная (эмоциональная) реакция, ведущая к общему усилению воздействующей функции пословиц, наиболее полно реализующейся в лексике. Частое в пословицах объединение эмоционального и экспрессивного соотносится с этно-лингвокультурными особенностями русского самосознания, характеризующегося эмоциональностью, иррациональностью, любовью к морали, в совокупности репрезентирующих ярко выраженный акцент на чувствах, их свободном изъяслении, богатстве языковых средств выражения эмоций и эмоциональных оттенков [Вежбицкая 1996: 84]. При этом широкий арсенал эмотивной лексики различной степени интенсивности, вплоть до лексем просторечного характера, находящихся на грани употребления в русском литературном языке и используемых в конфликтных ситуациях, объясняется

устным происхождением пословиц, способных обладать тем же набором выразительно-усилительных средств, что и живая речь: *Свой дурак дорожке чужого умника* [Даль 1993, 2: 137]; *Вот тебе сахарный кусок, заткни себе роток!* [Даль 1993, 2: 201]; *Либо деньги дадут, либо в рыло попадут* [Даль 1993, 1: 107]; *Не всякое ремесло по злыдням* [Даль 1993, 1: 93]. Как следствие, пословица характеризуется явно выраженной экспрессивностью, тесно связанной с эмоциональным состоянием говорящего и «особым» субъективным отношением к фактам действительности, которые в совокупности подчинены прагматике и коммуникативному функционированию пословицы.

Использование полных вариантов, эксплицирующих эмотивные и экспрессивные компоненты: *Он понимал, что в семье не без уroda, и милицейские работники набираются не среди ангелов...* (Н. Леонов, А. Макеев) возможно благодаря синкретичному характеру пословиц, которые, представляя собой готовые блоки народной мудрости, оказываются менее информативны, нежели свободные сочетания, но более удобны, так как обеспечивают отстраненность адресанта и сообщаемого от адресата и конкретного факта действительности, снижая степень индивидуального воздействия на адресата.

При контекстном употреблении возможны следующие корреляции экспрессивности и эмотивности: пословицы с явно негативной оценкой окружающего мира могут элиминировать эмотивный компонент содержания, характеризуясь экспрессивностью и имплицитной эмотивностью. Например, реплика: *Но покамест скажу, что с Фомой именно сбьлась пословица: посади за стол, он и ноги на стол* (Ф. М. Достоевский), цитирует пословицу: *Посади дурака за стол, он и ноги на стол* [Даль 1993, 2: 248]. Встречаются случаи трансформированных пословиц, в которых наблюдается замена нейтрального компонента дополнительного эмотивным, усиливающим как категоричность отношения говорящего к ситуации, так и категоричность самой пословицы: *Дурная голова, ногам покоя нет* [Даль 1993, 2: 418] — *Дурная башка, ногам покоя не дает* (Каменченко). Возможна также импликация основного содержания пословицы при вербализации лексемы, характеризующейся эмотивностью и экспрессивностью. Использование в данном случае усеченного варианта, предполагающего наличие общего культурного и когнитивного пространства, не всегда ведет к коммуникативной удаче, и в отдельных случаях провоцирует эмотивно-коммуникативный диссонанс. Например, компонент пословицы «*дуракам...*» может одновременно актуализировать разные пословичные структуры: *Дуракам закон не писан. Дуракам везет!* и соответственно требовать определенных когнитивных усилий адресата. Как следствие, обращение к пословице рассматривается как выражение субъективного отношения, категоричность которого может как усиливаться дополнительной экспрессивностью / эмотивностью компонентов и структуры, так и ослабляться их элиминацией.

Итак, синкретичный характер семантики русских пословиц обеспечивает свойственную как языковым, так и речевым явлениям корреляцию эмотивного и экспрессивного.

Дальнейшее построение системы корреляций позволит выявить характер отношений между такими признаками пословицы, как идиоматичность, оценочность, мотивированность, которые в совокупности могут определить статус пословицы и ее признаки в едином типологическом пространстве.

Литература

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.

Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию 60-летию В. В. Виноградова. М., 1958. С.103–124.

Даль В. И. Пословицы русского народа: В 3 т. М., 1993.

Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991. С. 5–35.

Персонажи необрядовой песни : этноролевые маски и их функции в структуре лирического сюжета¹

Т. Б. Дианова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Необрядовая лирика, функции персонажей, обрядовый контекст, лирический сюжет

Summary. The characters of Russian folk song are the generalized derivatives of traditional ethnic patterns: social roles, ritual and ceremonial masks. The plot of the song based on sequential unfolding personal emotional experience arising inside and outside of ritual.

Необрядовая лирическая песня отражает богатое и видоизменяющееся на протяжении нескольких веков содержание народного быта, обрядовой действительности и этнической психологии. Еще в начале XX в. Е. А. Аничков писал: «Изучение песенных мотивов и тем, естественно, уже с трудом может быть историческим. Тут необходимо прибегнуть уже не к историко-литературным, а к совершенно другим методам. <...> Подобные исследования, хотя они отчасти и носят историко-литературный характер, заставляют строить гипотезы, основанные уже главным образом на исторической поэтике, что, в свою очередь, ведет к антропологии. Тут — фольклор» [Аничков 2002: 183]. Одной из важнейших для традиционной культуры является присущая песне функция преобразования традиционных смыслов, возникших в обрядовой реальности, в область повседневной и праздничной бытовой коммуникации, что по-своему отмечали еще А. Н. Веселовский, А. А. Потебня и современные исследователи народной лирики (Г. И. Мальцев). В ней реализуется эволюционная семантическая преемственность от ранних форм народной интонационно-музыкальной системы (зовов, кличей, плачей, причетов, обрядовых песен) к ее зрелым разновидностям. Именно эта специфика обусловила многие системные качества жанра и текста необрядовой песни, требующие специфических методов интерпретации (политекстовость напевов, инклюзивность в обрядовую практику, адаптивность и полифункциональность, полисемантизм, способность к актуализации, вариативность инициальных структур, сюжетную аморфность, открытость финальных элементов и их верификационность, «избыточную» прагматическую информативность и проч.)

Феномен внеобрядового хорового пения основан на трансляции в художественно трансформированном виде системы коллективных ценностей, важнейших концептов, констант и этнически значимых смыслов, сложившихся на относительно древних этапах развития национального фольклора и составляющих идентификационное ядро русской народной культуры, в актуальную реальность. Одними из таких наиболее значимых констант, являются образы персонажей, отражающие основные типы социальных отношений внутри традиционной культуры. Персонаж, лирический субъект — центральное звено песенного текста, вокруг которого формируется поэтическая картина мира и событийный ряд. Учитывая специфику лирического сюжета (статичность, бесфабульность (Б. В. Томашевский) предельную обобщенность (Ю. М. Лотман), анарративность, инверсивность и иррациональность (Ю. Н. Чумаков)), именно лирический субъект / центральный персонаж зачастую оказывается наиболее стабильным элементом, находящимся в фиксированной «точке отсчета» сюжета (Т. И. Сильман), которая предполагает наибольшую эмоциональную концентрацию. Персонажи русского песенного фольклора — обобщенные производные традиционных этнических образов, индивидуализация которых посредством придания им персонализированных черт (имени, индивидуализированных

внешних характеристик, субъективных высказываний) является существенной чертой необрядовой лирики и одной из «иллюзий» ее художественной сути. В раннетрадиционных песнях круг персонажей ограничен типовыми ролями, «поведение» и речевые проявления которых основаны на свойственных им нормах: к таковым можно отнести *возрастные, семейные и социальные статусы* (добрый молодец, молодуха, мать-отец, солдат), *обрядовые роли* (невеста, батюшка, братец, подружка и т. п.), *игровые маски* (кавалер и барышня, старик и старуха, монах, девка-вековуха, разгульная молодка и т. п.). [В этом разграничении важно учесть свойственную фольклору нестрогость и «наложение» семантики образов: например, брат, мать, отец в свадебном обряде играют специфические роли по отношению к невесте, что позволяет рассматривать их образы как результат пересечения собственно социальных и обрядовых функций.] Некоторые из функций указанных персонажей можно рассматривать как «интегрированные», общие для определенных их типов (так, разлученный с домом молодец (получающий конкретизацию в текстах как *рекрут, солдат, бурлак, ямщик, казак, урядничек*) предстают в ранних циклах песен в одной роли. В песнях позднего формирования под влиянием письменных форм культуры и эстетики нового времени функции персонажей дифференцируются в связи с усложнением социальной структуры общества. Эти, хотя и не вполне индивидуализированные, типы (с оговорками к ним может быть применен термин «характеры») свойственны в большей мере эволюционно преемственным по отношению к необрядовой классике формам романса, баллады и (особенно!) частушки. Важная и принципиально значимая черта песенного-лирического персонажа заключается в том, что он «помещен» в песенной картине мира в типичные для его реального прототипа обрядовые и бытовые ситуации (которые, заметим, не всегда непосредственно *изображены* в песне), но проявляет чувственно-эмоциональную рефлексию, содержание которой выходит за пределы предписанного нормой ритуального поведения): высказывает оценки, пожелания, предположения, вспоминает, мечтает. Интерпретация характеристик персонажа требует реконструкции породившего данный тип генетического контекста.

Принято различать сюжетную (песни-повествования) и бессюжетную медитативную (песни-раздумья) народную лирику. В обеих формах текст песни состоит из относительно автономных мотивов-формул, что подтверждается статико-динамическими моделями варьирования. В сюжетных песнях формулы строятся по моделям описания действий и состояний внешнего мира и человека и складываются в связанные линейные последовательности, в бессюжетных они оформлены как лирические высказывания монологического или диалогического характера от лица их субъекта(ов). Тем не менее принципы «движения», развития содержания песни, т. е. сюжетности в них, едины. Связность формул, их последовательность зачастую не объяснимая на уровне одного варианта, обусловлена интеграцией содержания песни

¹ Исследование подготовлено в рамках проекта «Русская необрядовая песня: текст и жанр в поле традиционной культуры», поддержанного грантом РФФИ 10-04-00192а.

в культурні сценарії, функціонуючі за межами пісенного тексту, добре відомі носителям фольклору: свадбні, календарні, ігрові, в особливо пізній часі побутові та історичні. Ця інтеграція може бути початковою (наприклад, пісня виникає всередині обряду, з часом ця зв'язок ослабляється і рветься) або виникати асоціативно в зв'язку з використанням моделі, здатної до вторинного входження в обряд. В цьому аспекті формули пісень представляють різні фрагменти вневчеської реальності, «намекаючі» на зміст прототипічного сценарію, містять його елементи в згорнутому вигляді, цитують висловлювання його учасників або оформляють їх емоційну реакцію. Це не хронологічно упорядкований переказ обрядових дій, а саме вказівка на одну з сторін складного культурного тексту (Н. І. Толстої), яким є ритуал, — в лінійній структурі тексту він може бути представлений «індексами», вказуваними на ритуальний предмет або діяння, ритуальний символ або висловлювання. Заставляючи формули апелюють не тільки до ритуалу, але й до ситуації, предшествуючій йому і послідовній за ним, містять «внешню» оцінку дійсності його учасників і їх наслідків

для ліричного суб'єкта. Це пояснює складність хронологічного тексту, який передбачає «переміщення» з однієї власної ситуації в іншу. Так, молодь, тоскуюча з чужої сторони, вгадує дівичество, розставання з близькими на свадбі, прагне повернутися в рідний дім. Ці просторово-часові зміщення створюють особливі мистецькі ефекти накладення картин і нерідко оформляються спеціальними формулами (полета, переміщення по воді, подачі голосу / зова). Адекватна інтерпретація пісні в даному випадку можлива тільки в зв'язку з правильною оцінкою ліричного суб'єкта пісні як центрального звена, граючого в сюжеті ключову роль, і суб'єкта зазвичай ролі в зв'язку з його позицією по відношенню до того або іншого фрагменту обрядової / ігрової реальності. Сюжетний лаконізм і його заведомо фрагментарність перемагається «допрацюванням» змісту в межах одного пісенного типу шляхом створення системи близьких варіантів, цитат, циклів.

Література

Аничков Е. В. Пісня // Народна словесність: Збірник статей / Під ред. Е. В. Аничкова, А. К. Бороздина, А. Н. Овсянникова-Куликовського. М., 2002.

Концептуалізація фольклорних уявлень про злочини проти власності

С. Т. Лавриненко

Ізмаїльський державний гуманітарний університет (Ізмаїл, Україна)

Концептуалізація, правова культура, український фольклор

Summary. Folk creativity transmits lingual-semantic sing of the legal and cultural picture of the world. The analyses proves that Ukrainian folk tales and ballads include language segments, correlating with the ethnically marked ideas of such crimes against private property as swindle, theft, burglary, robbery. Conceptualization of the experience in the sphere of property rights, depicted in folklore, is grounded on the historically based forms of consciousness / connected with the comprehension of the ways that break person's private interests.

Мова усної народної творчості фіксує, зберігає й транслює різні шари людського досвіду, у тому числі й правового. На думку В. А. Маслової [Маслова 2001], право належить до соціальних категорій культури, адже культура — це сукупність усіх форм діяльності суб'єкта у світі, спадкова пам'ять колективу, заснована на системі ustalених настанов та приписів, цінностей та норм, зразків та ідеалів. С. Я. Єрмоленко [Єрмоленко 2009], В. І. Кононенко [Кононенко 2008], В. В. Жайворонок [Жайворонок 2007] підкреслюють, що фольклорні тексти — важливе джерело вивчення результатів взаємодії мови та культури, отже, вони мають розглядатися як культурні коди, одна з форм вираження культурної традиції.

Українська народна творчість акумулювала етноправові уявлення про порядок, його порушення та відновлення. Суттєвим проявом порушення порядку, зафіксованим у текстах різних жанрів фольклору, є злочин проти власності — діяння, яке посягає на відносини, що виникають у процесі володіння, користування й розпорядження майном. Найбільш яскраво мовні знаки концептуалізації первісного осмислення злочинів проти власності відтворено у народних казках та баладах, де об'єктом злочинів проти власності є відносини власності, а предметом — приватне майно. Більшість злочинів проти власності здійснюється з прямим умислом й характеризується фактичним складом — заподіянням матеріальної шкоди суб'єктам права власності. Досить детально у фольклорному масиві замальовуються майнові шахрайства та крадіжки: «Ой украв я, мати, корову рябую, // Ти сказала, мати, украдь і другу; // Ой украв я, мати, коня вороного, // Ти сказала, мати, украдь і другого; // Ой украв я, мати, аж семеро овець, // Ти сказала, мати, мій сину, молодець! // Ой украв я, мати, да вола сірого, // Ти сказала, мати, украдь і другого...» (вербалізація факту крадіжки) «Ой їде козаченько на воронім коні // Та вступає край дороги до бідної вдови. // Ой приїхав козаченько і став під ворота: // Стоїть її худобина, уся, як сирота... // Ой за хвилику, за годинку, за хвилику маленьку // Та посватав козаченько удову бідненьку. // Ой за хвилику, за годинку, за хвилику другу // Попрощав козаченько худобу сиву. // Ой за хвилику, за годинку, за хвилику маленьку // Та й покинув

козаченько удову бідненьку» (вербалізація факту шахрайства). Мовними маркерами фольклорних уявлень про злочини проти власності виступають дієслова «красти», «вкрасти», «покрасти», «накрасти», «пограбувати» та ін. «— Я, пане, не краду». «Злодії зайдуть і все покрадуть». «Як тоті злодії так тихо все покрали?» «На ціле село сміявся, як пана обрабували, а він був у хаті». «Вчора в мене гості були, // Вони в мене їли й пили. // Ще й дім мені ограбили». У лексикографічних джерелах зазначається: «красти» — 1. Привласнювати чуже. 2. Займатися злодіємством [СУМ: 1973, 328]; «красти» — 1. Нишком привласнювати чуже. 2. Чинити злодієство [ВТСУМ: 2005, 583]. Позначення суб'єктів, що здійснюють злочини проти власності, відбувається за допомогою одиниць «злодій», «розбійник», «крадій», «шахрай», «чоловік», «селянин», «хлопець», «баба» та ін.: «Не бути мені ні за паном, // Ні за підполковником, // А бути мені за злодієм, // За розбійником». «Ні на кого я не жаліюся — на свого татонька, // Що не дав мене за ремісниченька, // Тільки дав мене за розбійниченька». Предметом крадіжки у фольклорному конструкті найчастіше виступають живі істоти (люди й тварини), продукти харчування, гроші, побутові речі. «У нас хтось вола вкрав». «І мішок пшениці украли». «Наш оконом та покрав у гуменного ковбаси». «В мене вкрали жінку». «Треба бігти, бо хтось краде мою полонянку».

Тексти українських народних балад презентують уявлення про такі тяжкі форми злочинів проти власності, як грабїж та розбїй, що, зазвичай, супроводжуються вбивством: «Ой поїхав крамар крамом торгувати; // Взяв з собою Галю грошки щитати. // У темному лісі вороги напали, // Крамаря забили, а Галю забрали. // Гроші поділили, полягали спати». Правова інформативність баладного конструкту включає комплексне осмислення сутності розбійної діяльності: «А розбійник п'є, у коршмі гуляє, // А з вечора на коника сідає, // Опівночі в розбїй виїжджає, // А світає, то в воротах стає: // — Вийди, Ганю, одчини ворота, // Навіть тобі много срібла, злата».

У казках детальніше, ніж у інших жанрах українського фольклору, вербалізуються народні уявлення про мотив, мету, особливості реалізації злочинів проти власності (хара-

ктер умислу, стадії, форми співучасті). 1. Мотив: «Я знав, що ти мені коня не віддаш, а тому вирішив вкрасти». 2. Мета: «Тепер, Климку, маєш украсти вола від плуга». 3. Умисел: «Порадилися, де би то що вкрасти» «Коли б же мені вкрасти ту одягу й ті крильця». 4. Стадії: «Поїхали два куми на ярмарок та вивели по парі волів. От у одного ж украли воли, як тільки уїхав у ярмарок, а другий водивсь, водивсь із своїми, та тільки уранці украдено». «Злодій краде сало на горищі». 5. Співучасть: «А ті злодії, що покрали речі, як почули, що привезли попа-ворожку, то трохи й спужнулись». «Дванадцять розбійників несуть гроші, котрі десь накрали».

Таким чином, фольклорний конструкт вербалізує уявлення про посягання на чужу власність у таких формах, як-от: шахрайство, заповідання матеріальної шкоди шляхом обману, зловживання довірою з метою заволодіння майном жертви, крадіжка, грабїж, розбїй. Українські народні казки та балади містять широкий спектр мовних маркерів, співвідносних із фольклорними фіксаціями фактів порушення майнових прав. Дієслівні одиниці вказують на осмислення можливості захисання на майнові інтереси (*покрадуть, украдуть, вкрадуть*), визнання факту тривання злочину проти власності

(*краде, крадуть*), констатацію негативних результатів насильного відчуження майна (*украли, покрали, накрали, украдено, ограбили, пограбували*). Іменні частини мови прямо чи опосередковано називають зловмисників, потерпілих, предмети крадіжки. Оцінні характеристики прецедентів порушення прав власності здійснюються персонажами та нараторами за допомогою сегментів текстів, семантику яких можна співвіднести з відповідним сектором правового досвіду носіїв українського фольклору.

Література

- ВТСУМ — Великий тлумачний словник сучасної української мови. Київ; Ірпінь, 2005.
 Єрмоленко С. Я. Мовно-естетичні знаки української культури. Київ, 2009.
 Жайворонок В. В. Українська етнолінгвістика: Нариси. Київ, 2007.
 Калинова сопілка: Антологія української народної творчості. Київ, 1989.
 Кононенко В. І. Українська лінгвокультурологія. Київ, 2008.
 Маслова В. А. Лінгвокультурологія. М., 2001.
 СУМ — Словник української мови: У 11 т. Київ, 1970–1980. Т. 4. 1973.

Народные притчи с точки зрения когнитивного подхода

С. А. Никитина

Казахский национальный педагогический университет имени Абая (Алматы, Казахстан)

Притча, басня, мораль, смысл, иносказание

Summary. In the paper features of a parable are discussed. The special attention is given allegoricity and instructiveness of this genre. Parallels between parable and riddle are drawn. It is underlined, that the parable can be not only lecture, but game, a puzzle. The parable «About name Hristofor» which is constructed on numerical value of letters is analyzed.

В самых разных проявлениях притчевого начала достаточно отчетливо обозначаются 2 пласта: то, о чем рассказывается, и непосредственно присутствующее в тексте или прямо выводимое из него объяснение рассказа — его иной смысл, его мораль. Соотношение этих 2-х планов и дает представление о специфике каждого из перечисленных жанров и одновременно о той точке, в которой эти планы сходятся.

Можно предложить довольно строгое разграничение художественной притчи и внехудожественного поучения: если мораль, выводимая из текста, строится на таких символических значениях слов, которые общеизвестны и общепонятны (они могут быть отражены в словарях), то данная притча вряд ли с полным правом может быть отнесена к художественной литературе; если же образность возникает в тексте как открытие автора, то это безусловно художественная притча.

Литературная притча скорее приглашает к размышлению, и сформулированная в ней идея — не абсолютом, а только поводом к размышлению. Но уже здесь стоит заметить, что и философская и тем более религиозная притчи могут быть отмечены самой высокой степенью художественности, однако художественное в этих случаях не цель, как в литературе (слова Пушкина: «Цель поэзии — поэзия»), а средство.

Два главных качества, присущих притче, — иносказание и поучительность, — могут проявляться в большей или меньшей степени. Если они проявляются достаточно полно, то перед нами притча, если же они ослаблены и притчей в точной смысле произведение назвать трудно, то можно говорить о том, что в нем проявляется притчевое начало. Но, разумеется, четкую границу в данном случае провести невозможно.

Если поучение — это как бы отгаданная загадка, то, к чему приводит ход аллегорического повествования, то очевидно, что загадка — противоположность поучению, в ней действуют аллегорические персонажи, и задача того, к кому обращаются с загадкой, — узнать, кто прячется за аллегориями.

Загадывающий загадку прежде всего хочет, чтобы путь к отгадке был достаточно сложным. Загадка, которую легко отгадать, неинтересна, она попросту перестает быть загадкой.

В настоящей загадке всегда предлагается скрытая подсказка отгадки, и, по сути, важно только найти ключ к решению, ту деталь, которая поможет прочитать аллегория, увидеть то, что спрятано за иносказанием. А загадка, в которой такой связи нет, не может рассматриваться как загадка. Когда все сводится только к тому, «чтоб не догадался!», испытание сообразительности превращается в бессмыслицу и издевательство над собеседником.

Рассмотрим под этим углом зрения известные народные загадки.

«Весит сито, не руками свито». Как в данном случае найти отгадку? Можно, наверное, идти таким путем: сито — это то, через что сеют, но сито это нерукотворное, значит нужно найти что-то, что сеется через такое сито. Может быть — дождь? И тогда такое сито — туча. Не случайно ведь говорят: «дождик сеет». Но этот путь, если говорить об образной стороне, очевидно, ошибочен, потому что противоречит слову «весит». Когда что-то просеивается через сито, оно должно находиться в руках. Таким образом, мы убеждаемся в том, что сближение по функции не оправданно.

Тогда попробуем пойти другим путем — путем сближения по внешним признакам. Зададим себе вопрос — что может напоминать сито, но при этом не быть делом человеческих рук? При этом важно, что сито это висит. В хорошей загадке все работает на разгадку, а не искусственно уводит от нее. Конечно, это паутина. Найдя отгадку, мы убеждаемся, что уподобление по функции здесь тоже налицо: паутина как бы «просеивает» насекомых: мелкая мошкара пролетает, более крупные насекомые застревают.

Можно сказать, что загадка и притча-загадка требуют сосредоточенной работы мысли, и при этом притча-загадка не только предполагает восприятие сознанием содержащейся в ней мудрости, но совершенствует сознание, заставляет его искать пути к мудрости. Это замечание для нас очень существенно, поскольку мы хотим обратиться к притче-загадке в древнерусской литературе.

«Беседа трех святителей» — один из самых древних переводных памятников Древней Руси. Она пришла к нам в XI веке, а последние ее списки датируются XVIII веком. Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Богослов — византийские церковные иерархи и писатели IV века — рассуж-

дают в этом тексте в форме вопросов и ответов о самых разных проблемах — о сотворении мира, о нравственных и духовных задачах, о повседневных бытовых вопросах.

Приведем несколько фрагментов из «Беседы»:

Василий рече: «Кая два супостата борется на свете день и ночь?» — Иоанн рече: «Смерть и живот». Григорий рече: «Кая мати дети своя съест?» — Иоанн рече: «Море реки». Григорий рече: «Видех змия лежаща при пути, хотяше коня за ногу ухватить, конь же пады на заднюю пятау, жды избавления от Господа Бога своего?» — Иоанн рече: «Конь есть правая вера христианская, а путь — мир сей, а змий — антихрист, а пята — последние дни века сего».

Параномазија као стилски поступак у малим фолклорним формама у српском језику (лингвофолклористички аспекти)

В. В. Николић, М. В. Николић

Универзитет у Крагујевцу (Крагујевац, Србија)

Параномазија, мале фолклорне форме, српски језик

Summary. This paper addresses the issue of paronomasia from a linguofolkloristic aspect, as a stylistic device employed in small folklore forms, that is, genres of Serbian oral literature, whose linguistic structure is confined to a single statement (proverbs, riddles, puzzles, counting rhymes, curses, blessings and the like). Paronomasia is a classic figure of speech which associates words of acoustic similarity: (1) proverbs: *Što nije gledati, nije ni glodati* (Eng. What's not to be looked at, is not to be gnawed at); (2) riddles: *Jedna glava voska svemu svijetu dosta* (Eng. One head of wax is enough for the whole world) [the Moon]; (3) expressions: *Subota — đacka bubota* (Eng. Saturday — pupil's spanking day).

У овом раду се са лингвофолклористичког аспекта говори о параномазији као стилском поступку у малим фолклорним формама, тј. жанровима српске усмене књижевности који по својој језичкој структури не прелазе обим једног исказа. Мале фолклорне форме су: пословице, загонетке, питалице, клетве, благослови и сл., као и дечји фолклор: брзалице, разбрајалице, каламбури и друге разне игре речи.

Параномазија је стилски поступак (класична стилска фигура) који се састоји у повезивању речи које су сличне (а) било етимолошки, (б) било формално и по спољашњем облику. Параномазија се састоји у томе да се према једној речи ставља друга, која с првом слично гласи, а разликује се од ње само по неком од гласова (графема) у основи, а значење им је различито, често и супротно. „Уживање у игри звучности сачувало је параномазију живом до данас, нарочито у облику игре речима; а и постантничка рима није друго до облик параномазије“.

Корпус на коме базирамо наша истраживања јесу мале фолклорне форме у српској усменој књижевности, а извори су збирке и антологије. Примере параномазије из свакодневног говора у српском језику користили смо из наших белешки у пределу Стари Влаха, планинској области у југозападној Србији, области коју одликују сачувани трагови усмене традиције и традиционални трансфери памћења празника и веровања у народном календару. Дечји фолклор са стилским поступком параномазије везан је за годишњи циклус празника (Божић, Васкрс, Покладе, Загонетна недеља) и свакодневне традиционалне дечје игре и оне које

Вообще нужно сказать, что в Древней Руси бытовали не только переводные, но и собственные притчи-загадки, такие как, например, притчи «О царе-голоде» или «Об имени Христофор».

О последней притче следует сказать особо. Читая ее, понимаешь, что притча может быть не только поучением, но игрой, головоломкой. Притча «Об имени Христофор» построена на числовом значении букв, из которых состоит имя «Христофор», означающее «несущий Христа»: Х — 600, Р — 100, И — 8 и т. д. И в притче, рассказывая о количестве улиц, башен, дворян и т. д. в некоем городе, автор подсказывает, как складывается сумма соответствующая имени.

су нашле примену у савременом васпитно-образовном процесу.

У оним малим фолклорним формама које су добијене стилским поступком параномазије најчешће постоје две ритмички истоветне целине које се још и гласовно подударују у виду леонидске риме. То је често добијено и испуштањем глаголске копуле, па је цела конструкција добијала језгровиту форму, ритмички организовану, значењски кондезовану и лако памтљиву.

(1) У већини пословица су сачињени поступци параномазије: (а) Што није *гледати*, није ни *глодати*; (б) *Знање — имање*.

(2) Загонетке: (а) Једна глава *воска* свему свијету *доста*. [Месећ]; (б) Бијела кока, црно сјеме; стар био ко га сию. [Књига].

(3) Изрази: (а) *Субота — ђачка бубота*; (б) *Джевовање* моје *царевање*.

(4) Народни календар: (а) Од светога *Луке* у *цепове руке*. (б) *Ђурђев данак — хајдучки састанак*.

(5) Из дечјег фолклора (разбрајалица): Ен, ден, дини, саваракатини; елем, белем, бус; ти си мали рус иди у купус.

Условно, параномазија се среће и на плану само једног гласа (фонеме, тј. графеме). Постоји „позитивно“ веровање у српском народу да се „не ваља“ купати у реци у месецима који у себи имају глас „Р“ јер ће се добити „Реума“: јануаР, фебруаР, маРт, април; сепртембаР, октобаР, новембаР, децембаР; међутим, „ваља се“ купати у реци у месецима који немају у имену глас „Р“: мај, јун, јул, август.

Сказка как единство внутренних психических содержаний и модели украинской Сансары (Сказка об Ивасыке Телесыке сквозь призму «Тибетской книги мертвых»)

О. Д. Павлов

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Киев, Украина)

Сказка, архетип, Самость, психическое содержание, коллективное бессознательное

Анотация. благодаря использованию междисциплинарного синтеза фольклористики и аналитической психологии, автор делает вывод о мифологической модели украинской сказки, которая объединяет и постижение собственной Самости героя, и форму этнической Сансары, а также раскрывает динамику процессов этнического становления.

Уважне прочитання і зіставлення текстів української казки Про Івасика Телесика і «Тибетської книги мертвих» (надалі — ТКМ) (інша назва «Бардо Тьодол»), розкриває спільні мотиви і архетипи, які виражають світ колективного

несвідомого та їх етнічну специфіку, яка виражається в символах та специфічних оповідних структурах. Це свідчить не про міграційні процеси чи запозичення, а про два нероздільні аспекти культурно-психічного розвитку людства: універ-

сального та етнічного, який видається нам можливим для осмислення завдяки міждисциплінарному синтезу — фольклористики та аналітичної психології.

Архетипи або універсальні форми психічного, які на перший погляд не залежать ні від роду, ні від нації, — не можуть виражатися безвідносно до етнічного змісту та форми. У цьому контексті українська народна казка про Івасика Телесика прочитується значно глибше та осмислення її виходить на рівень колективного етнічного несвідомого через призму ТКМ.

Найповніше єдність універсального й етнічного може виражати архетип Самості. Юнгівське розуміння архетипу акцентує увагу на його універсальності, яка постала із колективного несвідомого і є основним змістом релігій, міфологій, легенд і казок. Водночас саме архетипи творять загальні психічні домінанти людини, оскільки вибудовують певні психічні змісти в образи (які називають архетипними) в казках, міфах релігійних сакральних текстах тощо, але робиться це так, що розпізнати їх можна лише за результатом, який вони справляють.

Самість — є центральним архетипом (в системі аналітичної психології) особистості, навколо якого концентруються всі психічні властивості людини. В аспекті нашого дослідження важливим є також спостереження К. Г. Юнга, що психічна самість, яка поєднує свідомі та безсвідомі аспекти, можлива на емпіричній основі, та проявляється в снах, міфах, казках, творчості / виражаючи «надособистей» як от герой, пророк, спаситель тощо. Івасик Телесик є свого роду героєм і спасителем своїх батьків (і смерть їхню догляне, і рибки наловить тощо).

Теорія Бардо («Бардо Тьодол») розроблена в тибетських тантрах, має добуддійське походження і є збірником настанов умираючому і померлому. «Бардо» — тибетський термін, який означає стан свідомості людини, коли вона бачить чуже, відчуває наодинці із самою собою на віддалі від колективної реальності. Бардо Смерті («Бардо Тьодол») — три із шести Бардо, що описують проміжний стан між життям і смертю. (Санскрит., «Анатхара Бхава», китайськ. «Чжунь Ін»). Книга є своєрідним путівником по області Бардо, що символічно представлена як проміжний стан між смертю і новим народженням. Як стверджує К. Г. Юнг в «Психологічному коментарі» до «Тибетської книги мертвих», «Бардо Тьодол» є надзвичайно психологічна, адже виходить на рівень метафізики та в основу ставить душу («індивідуальну свідомість»).

Смисловий та асоціативний ряд, який поєднує українську казку та тибетський сакральний текст, ґрунтується на кількох засадах: (а) *ідея самості* як виразник вищої влади в долі

індивіда — (становлення Івасика Телесика як індивідуальності, та душа як індивідуальна свідомість в ТКМ); (б) *психічна основа* обох творів, а саме переживання та зміна свідомості — (Івасик Телесик проходить шлях численних драматичних колізій, внаслідок яких він є не просто оживою деревинкою, а індивідуальністю, мета ж ТКМ — звільнення душі від світу «даностей» ззовні до світу «даного» сутністю нашої душі); (в) *смерть як компонент Сансари та пошук спасіння* — (Івасик Телесик врятований кволим гусеням та повертається до батьків, Сидпа Бардо як пошук шляхів нового народження).

В українській народній казці, змістове коло замкнене: дім — народження / інкарнація — пошук власної самості (річка й човник з весельцями) — загроза смерті / смерть — повернення у власний дім. Такий колообіг може бути прочитаний як символічна маніфестація української Сансари, а також як спроба показати один із шляхів народження — ненародження у реальності. Важливим є завершення казки, яке можна прочитувати на різних рівнях. Як відомо, Героя казки, рятує від змії, які підгризають явір, на вершечку якого знаходиться Івасик, саме кволе гусеня. *Психологічний рівень* прочитання вказує на не надто рішучу спробу вибратися із сув'язі невротичних комплексів, що в образі зміїв підгризають дерево, як символ структури психічного. В ТКМ — аналогом змії є п'ятдесят вісім Гнівних Божеств, які п'ють кров, і в померлого викликають жах та тягнуть до нової інкарнації. *Метафізичний рівень* розкриває нумінозну непевність Телесика та незавершеність пошуків Самості головного героя. Ця незавершеність і є перешкодою для виходу із Сансари, а також вивершеності етнічної Самості.

В «Тибетській книзі мертвих» основна увага зосереджена на стані душі (або індивідуальній свідомості). Шлях через Бардо зумовлює докорінну зміну свідомості. В українській казці герой проходить власне Бардо — Стара Змія, Оленка Зміючка, змії, що гризуть стовбур дерева. Зустрівшись із власними демонами (в ТКМ — Гнівними Божествами), в різний спосіб долає їх і повертається до батька-матері. І тим самим проходить коло Уробороса як ранньої стадії розвитку особистості та здобувається на спробу осягнення власної Самості.

Міфологічна модель української казки, що поєднує осягнення власної Самості героя і форму етнічної Сансари, може розкривати динаміку процесів етнічного становлення не лише українського народу. З оглядку на тісний зв'язок етнічного психе та світу архетипів колективного несвідомого, і домінуючу позицію останнього, можна стверджувати, що модель української казки може накладатися й на інші етноси.

Приметы как способ передачи знаний о мире

Ж. А. Панина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Народный календарь, праздники, приметы

Summary. The signs are an important component of traditional calendar. They helped to pass the knowledge about the most important aspects of the life for North Russian peasants from one generation to another.

Народный календарь является одним из важнейших компонентов традиционной народной культуры, организующий все стороны крестьянской жизни. Он «представлял собой систему членения, счета и регламентации годового времени, организовывал всю хозяйственную деятельность, определял чередование будней и праздников» [Шангина 2008: 8]. Календарные регламентации, отличающиеся императивным характером, передавались из поколения в поколение с помощью примет, вобравших в себя самое существенное для трудовой и бытовой практики крестьян и являющихся неотъемлемой частью народного календаря. «Календарь русских крестьян, как и других народов, предстает как своеобразная энциклопедия народной жизни, основанная на знании явлений природы...» [Чагин 1993: 59].

Целью доклада является определение сфер народной жизни, которых касаются приметы, связанные с традиционным календарем. Материал получен из Архангельского областно-

го словаря (вып. 1–13), Картотеки Архангельского областного словаря и в ходе диалектологических экспедиций автора 2006–2011 гг.

Все существенные для жизни народа события отражались в приметах и привязывались к определенным датам церковного календаря.

Самую многочисленную группу примет составляют сельскохозяйственные приметы, определяющие дни, наиболее благоприятные для какого-л. вида деятельности (или, реже, запрещающие его). Они регламентируют:

— начало и окончание посева зерновых: *На Дорофеева дни семян ищю выдут, после Дорофеева дни сееш, семена ужэ не выдут. Новину сэют, до Илина дня сэют рож;*

— срок, с которого скот выпускали на открытые пастбища: *После Егорьева дня скотá выпускают — на Николу трава появляэцца;*

- начало и окончание сенокоса: *С Ивана дня сено косить. До 11 сентября — Иван посный, сено ставили;*
- сроки посева и уборки тех или иных сельскохозяйственных культур: *Лук-то садить надо к Миколу в бороду, Миколин день, дваццать на фторово июня. Да, зафтра Успенев день, раньше фсе торопились, до Успенева дня выжать фсю страду;*
- дни, в которые строжайше запрещается работать в поле: *В Духов день земля именинница, до земли нисколько нельзя касатца.*

Приметы, связанные с определенными явлениями природы, указывали на:

- сроки появления / активности различных видов животных, рыб и насекомых: *Медвежий праздник, медведи гуляют во Звизжонье. Семга не месна, она заходит. У нас называют полазами. Первый полаз семги около Ивана дни. Паук до Петрова дни, а слепак до Фролова дни.*
- время, благоприятное для сбора растений: *Вот сицяс само хорошо носить венки-то, с Ивана дни до Петрова дни да; а так-то их можно до фторого августа, это раньше стары-те люди говорили; а со фторого тожэ ужэ нельзя. Трава йесь специальная, подборница. Йейо вот собирают после Иванова дня.*
- начало сбора грибов и ягод: *Смотрят морошку на другой день Петрова дня. Ильин день — фторой появ, ильински грузли надо проведыват.*
- рекомендуемые сроки купания в водоемах: *Фсе говорят: Троица — богородица велела до Заговенья окурнуца, окунаца. Купаюца только до Ильина дня, там плывет што-то после Ильина дня — конский волос, червяк такой. Гоорят, што он фпийца можэт, в рану какую — как наказание, што искунался после Ильина дня.*

Наконец, приметы служили для прогнозирования погоды, причем погода могла предсказываться как на довольно значительный отрезок времени: *Сегодня по-старому значитса день «Аксинья-Полузимница», если ведро — весна красная. Но пока не видится, что будет днем (дневник). А говоря, на*

Иванов день утренник, дак сорок утренников подрят — так и на конкретный день: *На Ильин день должэн Илья прока-тицца — должэн доц грозовой быть. В мае дак Егорьев день, празник, если Егорий водой напоит, то Микола травой накормит* (т. е. если ко дню великомученика Георгия Победоносца, 23.04 / 06.05, растает снег, то ко дню перемещения мощей святителя и чудотворца Николая, 09 / 22.05, вырастет достаточно свежей травы).

Особую группу примет, передающих метеорологические знания и представления, составляют приметы, указывающие на изменение протяженности светового дня: *С Анны Зацятницы фсе пойдёт на убыль. От Анны Зацятницы до Окулина дня фсе фприбыль идёт, а от Окулина дня до Анны Зацятницы вубыль идёт. Двацет третьего декабрия Анна Зацятница.*

Данные, отраженные в этих приметах, достаточно точны и позволяют думать, что время всегда являлось предметом напряженной рефлексии человека: *Раньше Варварин день считали, ну говорят, на Варварин-то день прибыло на курной шак.*

Таким образом, приметы, связанные с единицами народного календаря, регламентируют наиболее существенные для носителей диалекта стороны жизни: рекомендуемые сроки проведения сельскохозяйственных работ, прогнозирование погоды и наблюдение за самыми важными природными явлениями. Интересным также представляется тот факт, что некоторые приметы мотивировали народные названия праздников, например: *Аксинья-Полузимница, Васильники-Капильники* (ср. капель), *Ильиней-Сеногной, Самсон-Сеногной, Николай Мокрой.*

Литература

- Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980. Вып. I–.
- Толстая С. М. Полесский народный календарь. М., 2005.
- Чагин Г. Н. Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX века. Пермь, 1993.
- Шангина И. И. Русские традиционные праздники. СПб., 2008.

Фолклорните празници на отделни етноси в учебната програма по български език и литература и изграждането на социокултурна компететност

К. Танева

Пловдивски университет «Паисий Хилендарски» (Пловдив, България)

1. В учебното съдържание по литература за 5 клас в действащата програма, приета през 2006 година, са включени следните фолклорни празници на българите: Коледа, Проща, Великден, Гергьовден, Еньовден, Димитровден, което е пряко обвързано с идеята за изграждането на национална идентичност чрез опознаване на родовите ценности, език, култура. Именно в училището започва този процес на формиране на национални стойности, което предопределя изграждането у личността на отношение към традициите, на самочувствие и културен респект към уникалното българско наследство. Процесът на осмисляне същността на календарния празник в неговата цялост: локализираност във време и пространство; действия на участниците; отражение на специфично човешко мислене и възприемане на заобикалящия свят; символност на отделните предмети от материалната култура; словото като медиатор на емоции е съобразен и с психологическите особености на учениците. Към всеки един от празниците е предвидено изучаването както на фолклорни текстове, така и авторски (Кирил Христов, Елисавета Багряна, Илия Волен), чиято тематична насоченост е пряко обвързана със същността и значението на конкретния празник. Използваните авторските текстове са начин в достъпна форма да се представи разглеждането на съответния материал, да се развият комуникативните умения на учениците, което е съобразяване с познавателните и интелектуални възможности на учениците.

2. В учебното съдържание са предвидени за изучаване празници на мюсюлманите (Курбан байрам) и на еверенте

(Пасха). Подобна образователна стратегия е насочена към преодоляване на митологизираната представа за локалната културна херметичност на други етноси и е възможност за откриване на общото в екзистенциалните им парадигми. В съответствие с тази насока на обучение са и конкретните образователни цели — осмисляне на календарната празничност като отражение на специфично самосъзнание, проекция на морално-етичните норми, които са част от уникалното културно наследство. Отново към всеки празник има текст, чрез който се разкрива същността ми.

3. В рамките на средното образование се формират два типа компететности: *литературни* — свързани с възможностите на учениците за интерпретация на текстове, за рецепция на художествените произведения в контекста на националната и световна култура, за базови понятия от литературната теория, за авторовите интенции, за връзката мит — фолклор — литература; *социокултурни* — за идентичността и уникалността на българската и чуждата литература, за етичните доминанти, за личностна самоидентификация. Развиването им е възможно при следните условия: съобразяване с психологическите възрастови особености на учениците; използване на функционален дидактически модел за осъществяване на взаимодействието текст — ученик; подходяща логическа структура за изложение и аргументация на учебното съдържание; система от методи за постигането на конкретни резултати. С оглед на разбирането, че образованието е един от факторите за осъществяване на културна кохезия, в сега действащия нормативен документ

по литература за 5 клас формирането на литературни и социокултурни компетентности се осъществява чрез запознаване с календарната празничност не само на християните (Коледа, Прошка, Великден, Гергьовден, Еньовден, Димитровден), но на мюсюлманите (Курбан байрям) и на евреите (Пасха). Подобна образователна стратегия е насочена към преодоляване на митологизираната представа за

локалната културна херметичност на други етноси и е възможност за откриване на общото в екзистенциалните им парадигми. В съответствие с тази насока на обучение са и конкретните образователни цели — осмисляне на календарната празничност като отражение на специфично самосъзнание, проекция на морално-етичните норми, които са част от уникалното културно наследство.